

СВЕТ И ТЕНИ В ТЕАТРЕ ТАНЦА

И как мучителен этот процесс взаимопозиционности. Но та тревожность, опаски, даже жестокости настойчиво иррационально превращаются в партию актерского мастерства, в конфликт с поэтической картиной прощания невесты с прошлым, которую создает композитор. Лишь к финалу автор музыки и автор спектакля приходят к согласию — в образе дома храма, уютного в золотистых лучах солнца, то есть в образе того мира, где счастье ожидает молодых. В финальных сценах Килиан по-новому раскрывает одно из лучших произведений Стравинского.

В «Ритуальном шаге» Килиан и его актеры уверенно побеждают. Этот спектакль родился из поездки хореографа на сбор австралийских аборигенов. Но не имитацию их ритуальных танцев, а творческое воссоздание своего «словаря», близкого тому, что увидел и понял в Австралии, предлагает нам талантливый постановщик. Актеры, как и австралийцы,

имитируют различных животных. Разумеется, одухотворяя их, наделяя человеческой сущностью. Эти зарисовки превращаются в праздничную актерскую мастерства, в фейерверк гротеска, юмора.

Эта же игривая природа дарит в наивно-философском, плавильно — поучительном спектакле «Дитя и волшебство» на музыку М. Равеля. Мальчик, разрушивший царство грез в виде игрушки и книг, получает жестокий урок от животных, которые, пугая его, все же прощают при первом же добром поступке. Спектакль привлекает изобретательными костюмами, остроумными мизансценами, умением актеров действовать в условиях буффорской перегруженности легко и изящно.

«Дитя и волшебство» — как бы короткий отдых театра перед философскими раздумьями, в которых уже не будет места улыбке. «Пляска призраков» — единственный спектакль, поставленный и оформленный не Килианом,

а Христофером Брюсом. Но по своему идейному звучанию и философскому значению этот спектакль скорее основной тематике театра. Три существа в масках смерти, сопротивляющиеся человеческой любви, не поразили наше воображение позитивной и оригинальностью. Измененное начало в образах людей показалось нам более интересным. Мы не зовем театр к результативной, бодросткой просветленности, но и не можем пойти на лицемерие, лишнем духа протеста, борьбы...

Впрочем, театр вновь спорит сам с собой, предлагая нам «Мятеж» на музыку Мартину, созданную для хора города Гааги в канун гитлеровского нашествия. Вот та борьба, тот дух протеста, которого нам так не хватало в некоторых других спектаклях нидерландской труппы! Здесь разорван круг мрачности и обреченности, возторжествовали вопиюще непокорной души, бесстрашие, вера в вечное продолжение жизни, добытой ценой гибели героев-патриотов. Блестящие актеры царят на сцене в трагической пластике, предложенной фантазией Иржи Килиана. Незабываемы сцены ожидания боя, борьбы со страхом смерти, решимости в бою, обессиленности и нового обретения сил. Многие забудется, хотя мы и принимали спектакли нидерландцев с московской доброжелательностью. Но «Мятеж» не уйдет из нашей памяти никогда.

Поучительная встреча с талантливым театром. Мы многое открыли в нем и в себе, за многое благодарны гостям. Но неизменно желание советских зрителей через пластику и музыку поближе узнать характер народа, его национальный темперамент, особенности поэтического мышления. К сожалению, в гастрольной программе Нидерландского театра танца не оказалось ни одного национального спектакля. Поняли московские зрители и некоторую уловку философии спектаклей, их недостаточный выход к действительным размышлениям. Но мы увидели насоящий театр танца, талантливый коллектив со своим творческим лицом, и это вывало в нас чувство благодарности.

Николай ЭЛЬЯШ.

● Брижитт Мартин и Роберт Беншоу в балете «Закранный сад».

Фото С. Александрова.

МОСКОВСКИЕ встречи с Нидерландским театром танца убедили нас в том, что перед нами коллектив с серьезной эстетической программой, создающий небольшие, но внутренние емкие спектакли. В этом коллективе нет «звезд». Нет и ярко выраженных премьеров и примадонн. Но каждый из тридцати шести актеров труппы мог бы претендовать на ведущее положение в любом театре танца. Их отличают индивидуальность, артистизм, пластическое совершенство, высокий профессионализм.

Пластический стиль театра выятен, заявлен открыто: это попытка объединить классический балет с системой «модерн-танца». И, несмотря на то, что нам не показали ни одного спектакля, исполненного на пальцах, мы увидели, что здесь классика в большой цене, что путь от классических балетных форм до «модерн-танца» тонко обдуман и профессионально выверен.

Постановщик большинства показанных в Москве спектаклей этого театра Иржи Килиан — явление чрезвычайно интересное и своеобразное. Он не стремится к раскладке движения, созданию некоего «подстроичива» к ритмической и композиционной структуре нетанцевальной музыки. Он чутко улавливает дух музыкального произведения даже в тех случаях, когда вступает в спор с композитором. В этом споре они могут разойтись с позиций мировоззренческих, но никогда — с позиций эстетических.

За три вечера москвичи привыкли различать излюбленный пространственный рисунок Килиана-хореографа, его фронтальное построение частей композиции. Но в этой привязанности к определенному пространственному очертанию — большое разнообразие движений. Дуэты, мужской или женский, или несколько пар, связанных одной композицией, или же массовый танец всей труппы в равной степени отличаются кантиленностью, текучестью движений, выверенностью пластической темы.

Философская основа Нидерландского театра танца кратко изложена в либретто, предлагаемых зрителям. При этом главный хореограф труппы Иржи Килиан подчеркивает, что вовсе не стремится к пересказыванию сюжета, предлагая зрителям самим интерпретировать увиденное. Но это не совсем так. Как всякий талантливый художник, Килиан настойчив в трактовках своих постановок. Мы видим это в первом же спектакле — «Симфонии псалмов» на музыку Стравинского. Красноречивы ковры на заднике сцены с их крестовым орнаментом. Недвусмысленно воспринимаем

ся их исчезновение в финале, где люди остаются перед зияющей бездной. Они, эти люди, собрались сюда не для ритуальных песнопений в храме, не для поклонения могилам, нет здесь и культура образов успешных из жизни в памяти живых. Это мысли художника, включающие в себя и то, и другое, и третье. И даже чувственное, любовное начало, когда ломается монументальность скульптурных групп.

Нигде не уходит Килиан и его актеры от живого человека, его нерва, от невысказанности встревоженных мыслей. Эта встревоженность особенно ощутима в спектакле «Закранный сад», который исполняют три актерские пары. Темная, сумрачная даль, перекрытая шестами — оградой сада. А здесь, перед оградой, земля, бесконечно дорогая людям труда, которые готовы не только возделывать, но и защищать эту землю, не покинуть ее в случае любых испытаний. Образы людей, тесно связанных с природой, подчеркнуты очень точно найденной коричнево-терракотовой гаммой костюмов.

Похоже на то, что Килиан мучительно спорит с самим собой, со своей же философией безысходности и жутковатости человеческого бытия, когда вырывается к свету неизменности в таких спектаклях, как «Симфония» на музыку Яначека. В пяти частях этого представления заняты все труппа театра танца.

«Симфония» — самое оптимистическое произведение во всей гастрольной программе наших нидерландских гостей. Сложные построения хореографа не тяготят нас. Они легки, изящны, певучи. Да, именно так: они воспринимаются, как песни.

Не потому ли с особой надеждой мы смотрим «Свадебку» Стравинского, прославленную русским балетом времен дягилевской антрепризы, что уж от этого-то произведения ожидаем подлинного праздника? Но Килиан искал в «Свадебке» много. Он предложил свой собственный сюжет. В процессе осознания своего нового и во многом неожиданного состояния жених и невеста не одиноки: в этом в равной мере участвуют их родители, близкие, друзья, подруги. Как страшно расстаться с пропавшим! Как несносно и непривычно будущее! Как мало знают друг друга жених и невеста!